

Сяо Юэ сдержанно улыбнулась, не произнося слов утешения, и молча продолжала гримировать Мо Иня.

Грим главы Демонического учения был довольно сложным, но Сяо Юэ была мастером своего дела, а Мо Инь пришел рано, поэтому к тому времени, как съемочная группа закончила подготовку декораций, грим был готов.

Видя, что Мо Инь все еще пристально смотрит в сценарий, Сяо Юэ улыбнулась и предложила ему посмотреть на свое отражение в зеркале:

— Не волнуйся, посмотри...

Она взяла Мо Иня за подбородок и повернула его лицо к зеркалу.

В отражении был человек с черными, как смоль, волосами и звездными глазами, с острыми бровями и ярким взглядом.

Сяо Юэ:

— Ты — глава Демонического учения Чанцзюэ, и в этом мире нет никого, кто смог бы сыграть эту роль лучше тебя.

Она поправила его красную одежду и аккуратно надела на него маску из белого нефрита:

— Иди.

Иди и покажи миру, что такое истинная красота.

Фестиваль фонарей, пятнадцатый день первого месяца, луна была полной, как диск.

В эту ночь лунный свет был ослепительно ярким, сияя, как огонь; но еще ярче, чем луна на небе, были бесконечные фонари, растянувшиеся на десять ли вдоль улицы.

Мир был полон оживления.

Чжуйюй была одета в новое платье, сшитое накануне, и несла в руке тщательно выбранный изящный фонарь, пробираясь сквозь толпу.

У нее было мало возможностей выходить из дома для развлечений, и сейчас, получив редкий шанс прогуляться, она была в восторге. Она шла, оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на запыхавшихся служанок, звавших ее сзади.

На обочине дороги старик с седыми волосами держал в руках большой букет только что сделанных свежих палочек с засахаренными фруктами, впереди резчик по дереву своими умелыми руками создал живую фигурку, а слева из тележки с булочками, которую толкала женщина, доносился сладкий аромат.

Чжуйюй была очарована этим красочным миром, и, идя, она потеряла направление.

Когда она наконец осознала это, позади нее уже не было следовавших за ней служанок, вокруг нее толпились люди, но все лица были незнакомы.

Девушка, которая редко выходила из дома и совершенно не знала дороги, начала беспокоиться. Она покружилась на месте, пытаясь найти кого-нибудь, чтобы спросить путь.

С таким большим вывеской, как у дома министра, должно быть легко найти, верно?

Чжуй подняла подол платья и пошла в случайном направлении, увидев впереди человека, она хотела спросить дорогу, но, подняв голову, внезапно замерла.

Перед ней был человек в кроваво-красной одежде, с черными, как смоль, волосами, на лице его была маска из белого нефрита, скрывающая большую часть лица, но оставшаяся часть была прекрасна, как поэзия.

Впереди текла толпа людей.

У этого человека были ослепительные глаза-фениксы, черные, как ночь, он стоял, прислонившись к стене, держа в руке нефритовый кувшин с вином.

Он не использовал чашу, а пил прямо из горлышка, и, когда пил быстро, капли вина стекали по уголкам его губ, по слегка приподнятой шее, в грудь, скрытую красной одеждой.

Там было темно, над головой висел только фонарь в форме лотоса, свет колебался, как во сне.

Этот человек казался... еще одним шедевром, существующим вне мира людей.

Шаги Чжуй остановились.

Она не знала, что с ней произошло, но просто стояла и смотрела на этого мужчину.

Ее мысли были запутанны.

Мужчина, казалось, почувствовал ее взгляд, и его взгляд, до этого смотревший вдаль, переместился на Чжуй.

Его ресницы, как вороньи перья, приподнялись, словно он осматривал ее с головы до ног.

Чжуй не знала, о чем она думала в этот момент, но, почувствовав его взгляд, инстинктивно выпрямилась, словно позволяя ему лучше рассмотреть себя.

Как только она сделала это, она пожалела.

Потому что она увидела, как он сначала замер, а затем, словно развеселившись, тихо рассмеялся.

Его смех был низким и хриплым, очень приятным, но Чжуй почувствовала только сожаление.

Ее лицо покраснело, и она мысленно ругала себя:

«Что я делаю! Как... как я могла так поступить! Теперь он наверняка подумает, что я какая-то бесстыдная женщина из публичного дома!»

Девушка в отчаянии топнула ногой, ее лицо стало еще краснее.

Мужчина, казалось, был развлечен ее реакцией, он поднял руку, поднял кувшин и, словно в знак уважения, сделал жест в сторону Чжуй.

Чжуйой замерла, не понимая, что он имеет в виду, но вдруг услышала свистящий звук ветра.

Что-то очень быстро пронеслось мимо ее уха, заставив ее волосы слегка развеяться.

Что это было...

Чжуйой еще не успела понять, как одежда мужчины, который до этого стоял расслабленно, внезапно зашевелилась.

Чжуйой, казалось, увидела перед собой вспышку кроваво-красного света.

Перед ее глазами все стало красным.

Она широко раскрыла глаза.

Она оказалась в объятиях мужчины.

Он одной рукой обнимал ее, а другой, с растопыренными пальцами.

Между его пальцами были прозрачные нити.

Тонкие, как волосы, но острые, как лезвие.

Мужчина повернулся с ней в воздухе, приземлившись, он махнул красным рукавом.

Чжуйой услышала, как где-то раздались стоны, перед ее глазами мелькали кровавые вспышки.

Чжуйой, находясь в его объятиях, смотрела на него, застыв, и видела, как его розовые губы слегка приподнялись:

— Недооцениваете меня.

Его голос был полон презрения, но звучал настолько приятно, что уши Чжуйой зачесались.

Все ее тело застыло.

Мужчина, который держал ее, словно источал сильный аромат, от которого у нее кружилась голова, и румянец на ее щеках не исчез, а стал еще ярче.

Через некоторое время те, кто пытался напасть на мужчину, были окончательно уничтожены.

Мужчина, держа Чжуйой, мягко приземлился, его черные волосы по-прежнему мягко ниспадали на спину.

Недалеко горели огни, люди шли туда-сюда, словно никто не заметил, как в этом неприметном углу только что произошла захватывающая дух схватка.

Мужчина в красной одежде мягко поставил Чжуйой на землю и тихо сказал:

— Прошу прощения, мисс.

Чжуйой еще не успела опомниться от внезапной схватки, только смотрела на него, глупо моргая.

Мужчина рассмеялся.

Он приблизился к Чжуй, и его смех звучал почти у нее в ушах:

— Мисс... ваши уши такие красные.

Хихик.

Чжуй теперь покраснела даже шея.

Мужчина рассмеялся еще громче.

Он все еще держал кувшин, повернулся и ушел.

Чжуй смотрела на его спину и, не зная почему, вдруг набралась смелости и громко спросила:

— Сэр, можете ли вы назвать свое имя?

Шаги мужчины в красном остановились.

Он слегка повернул голову, его профиль в свете фонарей был прекрасен, как картина.

— Чанцзюэ, — прозвучал его смеющийся голос. — У меня нет фамилии, меня зовут Чанцзюэ. Мисс, запомнили?

Мисс, запомнили?

В тот момент, когда он это говорил, его голос был полон смеха, его слегка повернутое лицо было прекраснее, чем вся уличная суэта.

В ту ночь луна была прекрасна, небо над его головой было ясным, как лучший индиго.

Мужчина в красной одежде, с прямой осанкой, ночной ветер развеивал его одежду, черные волосы и маска из белого нефрита переплетались.

Он казался почти неземным.

В его слегка опущенных глазах, казалось, отражалась маленькая она.

Эту картину Чжуй запомнила на всю жизнь.

Даже когда она достигла высокого положения и носила роскошные одежды, она не могла забыть тот момент.

Слуги и евнухи во дворце всегда удивлялись, почему их великая императрица так любит смотреть вдаль по ночам.

Пожилая императрица с седыми волосами стояла, глядя вдаль, ее взгляд был полон той же очарованности, что и в те времена.

Чанцзюэ, Чанцзюэ —

Старый друг, одна встреча, которая изменила всю жизнь.

Первая сцена была снята очень успешно.

Когда Мо Инь тихо сидел в стороне и пил воду, он видел, как режиссер Сунь с энтузиазмом пересматривал только что снятый материал, его глаза сияли, он явно был очень доволен.

Съемки прошли хорошо, и Мо Инь тоже был рад, сидя и отдыхая, он все время улыбался.

Вокруг него постоянно проходили члены съемочной группы, обсуждая с восторгом результаты съемок.

Девушки, занимавшиеся реквизитом, украдкой поглядывали на сидящего в стороне Мо Иня.

Поскольку съемки продолжались, грим Мо Иня еще не был снят, он все еще был в образе главы Демонического учения Чанцзюэ, только снял маску из белого нефрита.

Девушки еще не отошли от сцены с Чанцзюэ, и их взгляды на Мо Иня были полны восхищения.

Сунь Ли сидела на другой стороне площадки, пока ассистент поправлял ей грим.

Она смотрела на сидящего в стороне Мо Иня, который улыбался и был спокоен, и чувствовала, как в ее сердце закрадывается зуд.

Сунь Ли давно была в шоу-бизнесе и от природы была «хищницей», у нее была привычка заигрывать с молодыми актерами. Она наслаждалась этим и получала от этого удовольствие, это было дело двух взрослых людей, взаимное согласие, и все сводилось к удовольствию.

<http://bllate.org/book/16376/1481665>